

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

УДК 94(55/56)=512.3

И.И. Дрёмов

КАЛМАКИ ВОСТОЧНОГО ДЕШТ-И-КИПЧАКА В РУССКИХ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ XV–XVI вв.

В настоящее время считается, что название «калмыки» относилось к ойратам, пришедшим на территорию современного Казахстана в начале XVII в. Однако, как показывает анализ русских и западноевропейских свидетельств, не позднее, чем с XV в., т.е. до начала продвижения на запад ойратов, в Московской Руси и в Западной Европе знали о калмаках, причем не только от татар и ногаев, но и в результате непосредственных контактов. Это свидетельствует, что калмаки были связаны с Русью. Калмаки играли значительную роль в политической жизни государственных образований на территории Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири задолго до прихода сюда ойратов. Можно предположить, что регион распространения ойрат-калмыков имел более широкую территорию, чем принято считать. Кроме Западной Монголии и Джунгарии, в XV–XVI вв. их кочевья охватывали также среднеазиатские, казахстанские и южносибирские степи.

Ключевые слова: калмаки; ойраты; Дешт-и-Кипчак; XV–XVI вв.; Южная Сибирь.

В настоящее время в калмыковедении не рассматривается проблема происхождения волжских калмыков, так как не возникает сомнений, что предками калмыков были ойраты, продвинувшиеся в конце XVI в. к южным рубежам Западной Сибири, а в начале XVII в. вступившие там в контакт с первыми русскими переселенцами. Эта версия событий о встрече на юге Западной Сибири двух встречных миграционных волн (русских – с запада и ойрат-калмыков – с востока) настолько основательно подтверждается многочисленными источниками, как русскими, так и ойрат-калмыцкими, что подвергать её проверке никогда не было необходимости.

В первых свидетельствах об ойратах русские документы начала XVII в. обычно называли их калмаками. Примерно с середины XVII в. и позднее появилась градация на чёрных, белых, жёлтых, горных, волжских калмыков. Иногда употреблялся и термин «ойраты». В русских источниках XVII в. нет стабильности в употреблении названий «калмаки», «калмыки» и «ойраты». В.Л. Котвич, например, констатируя неразбериху в содержании ойратских и калмыцких документов в архивах Москвы, предлагал принять за условную границу 1645 г., до которого следовало считать документы ойратскими, а более поздние – калмыцкими [1. С. 1211]. В данной работе термин «калмаки» относится к народности, фигурировавшей в нарративных источниках до XVII в. и проживавшей к западу от Алтая и Джунгарии; калмыки – этнос, сформировавшийся в XVII в. преимущественно на Волге; ойраты – западно-монгольские племена XIV–XVII вв. (вне зависимости от их связи с ойратами XII–XIII вв. ранних хроник Рашид ад-Дина).

Единичные упоминания о калмаках Дешт-и-Кипчака более раннего времени, чем рубеж XVI–XVII вв., объяснялись либо их эпизодическими продвижениями на запад [2. С. 39–40], либо наименованием так кочевых татар [3. С. 398–399]. И.Я. Златкин в

написанном им разделе «Очерков по истории Калмыцкой АССР» приводил три свидетельства из восточных источников, опубликованных В.Г. Тизенгаузеном, говорящие о калмаках Дешт-и-Кипчака до прихода сюда ойратов, т.е. до начала XVII в. [4. С. 55–65]. Он писал, что название «калмык» связано с процессом исламизации Золотой Орды в первой половине XIV в. По словам И.Я. Златкина, калмыками «стали именовать тех, кто отказался присоединиться к исламу, остался верным старым религиозным верованиям, не захотел переселяться в Среднюю Азию и остался кочевать в степях Нижней Волги и Дешт-и-Кипчака». И.Я. Златкин считал, что часть монголо- и тюркоязычного населения Золотой Орды, не принявшая мусульманство, получила у правоверных последователей ислама название «калмык» в смысле «обреченный оставаться», «оставшийся», «отступник» и т.п. «Но все это не может объяснить нам, почему указанное название было тюркоязычными соседями перенесено и на ойратов, обитавших в Западной Монголии и Джунгарии, не имевших никакого отношения к Золотой Орде, и, в частности, на ту часть ойратов, которая в XVI–XVII вв. переселилась в низовья Волги» [4. С. 56].

Однако данное высказывание И.Я. Златкина о происхождении калмыков (калмаков) в недрах Золотой Орды в Дешт-и-Кипчаке не получило развития и является исключением в историографии вопроса о генезисе калмыцкого этноса. Как в дальнейшей части «Очерков...», так и в других исследованиях, включая последнее обобщающее издание «История Калмыкии с древнейших времён до наших дней» (2009 г.), концепция об ойратской основе происхождения калмыцкого народа не ставится под сомнение и является аксиомой. Проблема заключается в том, что все калмыцкие и монгольские источники, несомненно, указывают на происхождение волжских калмыков от ойратов Монголии и Западного Китая, а название «калмаки» существовало в тюркоязычной среде далеко к

западу от места обитания ойратов и применялось к ним западными народами [5. С. 9].

До настоящего времени не существует обобщающего исследования, посвящённого сбору и анализу известий о калмаках Дешт-и-Кипчака до прихода сюда ойратов в начале XVII в., так как считается, что калмаками называли ойратов тюркоязычные народы, а вслед за ними и русские. Собственно калмакских письменных источников не сохранилось. Калмыцкий фольклор всегда рассматривается в ракурсе ойратской истории. Нет ни одного сколько-нибудь цельного повествования о калмаках Дешт-и-Кипчака, сделанного представителями окружающих народов. Отдельные упоминания о данных племенах кочевников рассеяны в многочисленных разноплановых источниках на тюркских, иранских, старых западноевропейских и русском языках. В.Г. Тизенгаузен писал, что недостаток письменных свидетельств, происходящих из самой Золотой Орды, в значительной мере восполняется данными источников, происходящих из окружающих стран. «Понятно, какие трудности для историков создает такое многообразие источников. Навряд ли может найтись историк, который мог бы в подлиннике изучить и русские, и западные, и восточные источники примерно на 12 языках» [6. С. 2]. Однако расширение круга сведений, переведённых и опубликованных за последние десятилетия и ставших доступными для исследователей, позволяет рассматривать историю калмаков в Средней Азии и на северо-востоке Дешт-и-Кипчака до прихода сюда ойратских родов как историю самостоятельного этноса, а не историю эпизодических продвижений сюда западно-монгольских (ойратских) племён.

До последнего времени самым ранним упоминанием калмаков в русских источниках считался указ Ивана Грозного от 30 мая 1574 г., приведённый в Строгановской летописи по Толстовскому списку: «А когда станут в те крепости (уральские. – *И.Д.*) приходить к Якову и Григорию торговые люди бухарцы и калмыки и казанские орды и иных земель с какими товары, и у них торговати повольно беспошлинно» [7. С. 54]. Этот документ требует некоторых комментариев. В летописи, как справедливо указано в примечаниях, ошибочно написано «казанские орды». В этой же летописи по Спасскому списку сказано: «...торговые люди Бухарцы и Казакские орды и иных земель...» [Там же. С. 7]. Здесь присутствует не случайный перечень народов, с которыми предписывается торговать, а давно сложившийся торговый путь от Бухары через казахские и калмацкие земли и далее через Сибирь (Южный Урал) в Московскую Русь. Возникает вопрос: каких калмаков имел в виду Иван Грозный? Если ойратов, о которых теоретически москвиты могли узнать от бухарцев или казахов, соприкасавшихся с ойрат-калмаками на юго-восточных рубежах, то какой же мог быть смысл в указе о торговле с народом, с которым русские ещё даже не встретились? Первая встреча с послами Хо-Урлюка произойдёт лишь через 32 года, и не на Урале, а далеко

на востоке – на Иртыше. Очевидно, в указе имелись в виду калмаки Дешт-и-Кипчака. С освоением Пермского края открывались новые торговые пути на Бухару через горы Мугоджары. Путь из Казани в Бухару через Мугоджары был освоен ещё во времена Казанского ханства или даже Великой Булгарии [8. С. 72]. Дорога эта проходила через земли калмаков и казахов, поэтому в указе казакская орда, калмыки и бухарцы связаны. Строгановы начинали осваивать новые для Московской Руси земли Пермского края в Предуралье, калмаки находились к югу от Уральских гор – на полпути от Пермского края до Бухары. Поэтому они и упоминаются вместе в одном документе.

После выхода в свет в 2002 г. грандиозной по объёму и материалу монографии В.В. Трепавлова «История Ногайской орды» в поле зрения исследователей попали многие не привлекавшиеся ранее документы, в том числе истории калмыков [9]. До недавнего времени самыми ранними упоминаниями о калмыках в русских источниках считались сведения 1570–1590-х гг. «Сибирских летописей». В них говорится о появлениях калмацких кочевий в верховьях рек Ишима и Оми, что, по мнению И.Я. Златкина, отражало факт начала откочёвки ойратов из Джунгарии [10. С. 75]. В 1556 г. ногайский бий Шейх-Мамай, основатель Алтыульской орды, которая занимала восточный форпост ногайских владений, извещал Ивана IV об отражении нападения калмаков. В 1560 г. уже астраханские стрельцы встретили и пленили «калматских людей многих» в районе Сарайчука, т.е. в низовьях Яика [11. С. 372]. По мнению В.И. Колесника, эти факты «свидетельствуют, что появление калмыков в России, если понимать его как первый шаг на пути, завершившемся на Волге, следует датировать, по крайней мере, серединой XVI в.» [2. С. 39–40]. Он отмечает, что «хотя обычной задачей детей Шейх-Мамая, которая была, в частности, подтверждена в 1578 г. на «коронационном» съезде ногайской знати бием Урусом, являлось «стояти против колмаков», ойраты во второй половине XVI в. только изредка, эпизодически появлялись в пределах ногайских кочевий. Постоянно же ойраты обитали к западу от Монгольского Алтая, т.е. в Западной Монголии и Джунгарии» [Там же].

Отметим, что ногайская Алтыульская орда кочевала к востоку от Яика в пределах р. Эмба, а ойрат-калмыки, по всем известным источникам, находились очень далеко к востоку. Возникает сомнение: были ли калмыки, угрожавшие Алтыульской орде ногаев, теми ойратами, которые впоследствии продвинулись на запад и стали поволжскими калмыками?

В 1535 г. до г. Сарайчук (в южном течении Яика) дошли известия, что калмаки «передались» казахам. Поэтому мирзы, которым было определено кочевать в левом (т.е. в восточном) крыле, всю зиму простояли «в заставе за Яиком, на реке на Еме» (Эмбе) в ожидании нападения [10. С. 326]. Отметим, что калмаки не просто вошли в союз с казахами, а «передались» им. До

конца XV в. калмаки находились в союзе с ногаями или даже в некоторой зависимости от них, затем были в союзе с Шейбанидами, а теперь переметнулись к казахам и тем самым предали прежних союзников. Поэтому с 1530-х гг. угроза со стороны казахов и калмаков становится для ногаев постоянной проблемой, а не ожидаемой угрозой будущего. При этом калмаки обладали самостоятельностью и представляли для ногаев определённую опасность.

В 1530-х гг. ойраты, которых, как принято считать, ногаи и татары, а от них и русские, называли калмаками, находились ещё далеко к востоку от Урала за пределами Казахстана. В это время они были заняты борьбой с восточными монголами, в которой решалась их дальнейшая судьба. Была ли у них возможность не только осуществлять, но и замышлять дальние походы на запад через территории далеко не родственных им народов? Ойраты до середины XVI в. ещё не перевалили через Алтай и находились в Монголии. Лишь после 1552 г. они оказались на Чёрном Иртыше и приблизились к озеру Зайсан и Средней Азии. Как они могли объединиться с казахами за 20 лет до того, как подошли к их границам? Как могли представлять угрозу ещё более западным ногаям? Причём речь в ногайском документе идёт, бесспорно, об опасности со стороны известного и организованного неприятеля, а не о набегах разбойников.

Тем не менее о калмаках на Руси знали не понаслышке от татар, казахов и ногаев задолго до личных встреч с ойратскими посольствами в начале XVII в. Имя Калмак или Колмак в русских землях издавна имело широкое распространение. В «Ономастиконе» академика С.Б. Веселовского значатся: «Калмак, поп, 1545 г., Новгород; Калмак Власьев, помещик, 1568 г., Ярославль; Федор Иванович Колмак Овцын, XVI в.; Петр и Исаак Колмаковы, 1564 г., Олонец; Колмак и Неустрой Борисовичи Обрютины, 1568 г., Ярославль; Колмак и Домачной (Домачний) Михайловичи Васьковы, 1568 г., Ярославль» [13. С. 123]. Из данного списка видно, что антропонимы «Калмак» и «Колмак» обычно являлись именами или прозвищами, указывающими на этническое происхождение. Это неканоническое имя встречалось даже среди помещиков, бояр и духовенства: «Иван Колмак Ондреев сын Хорламова, помещик в Черенчицком погосте, 1539; Колмак Иванов сын Старков, боярский сын в Твери, 1585 [14. С. 222]. О Колмаке Иванове сыне Старкова в писцовой книге конца XVI в. Тверской губернии говорится, что он никому не служит — ни царю, ни князю [15. С. 234]. В списке опричников Ивана Грозного 1573 г. имеется Иван Колмак [16. С. 321]. В русских дипломатических документах сохранились дела по освобождению из плена рязанских казаков *Колмака* и *Ширяя*, выполнявших царскую миссию в 1560-х гг. [17. С. 155]. На Рязанщине фамилия Калмаков и Колмаков сохранялась и в начале XVII в. до начала постоянного расселения ойратов на Волге: «Колмаков Мишка Микитин сд. Глубокое на речке Глубокой, крестьянин

1628/29; Калмаков Ивашка Филиппов с. Олешна, Ефаново на речке Олешне, бобыль 1628/29» [18. С. 76]. Очевидно, что антропонимы «Калмак», встречающиеся в документах русской глубинки начала XVII в., также относились не к ойратам, а к оказавшимся в русских землях потомкам калмаков, соседствовавших с Московией задолго до появления на её границах ойратов. В списках расходов Кирилло-Белозерского монастыря в 1603–1606 гг. упоминаются Колмак Колкацкий и Никифор Колмак [19. С. 78]. В грамоте кольского воеводы В.Т. Жемчужникова к варгавскому державцу Клаусу Гагге от 7 июля 1613 г. говорится о Микифоре Колмакове, выполнявшем правительственные поручения на территориях, смежных с датским королевством [20. С. 423].

В сборниках Софийской библиотеки находится текст, датируемый 1506 и 1523 гг., содержащий перечень «татарских» земель, окружающих Каспийское море: «Татарским землям имена: Самархант, Чагадаие, Хорусани, Голустани, Китай, Синяя орда, Шираз, Испаган, Орначь, Гилян, Сизь, Шарбан, Шамахи, Савас, Арзуноум, Телфизи, Тевриз, Гурзустан, Обези, Гоурзии, Багдат, Темиркабы, рекше Железная врата, Орда Большая, Крым, Васьторокан, Сарай, Азов, *Калмакы*, Ногаи, Шибаны, Казань» [21. С. 253–256]. До слов «Орда Большая» этот список полностью повторяет перечень завоёванных Тамерланом стран из «Повести о Тимур-Аксаке» начала XV в., в который земли «Большой Орды» не включались. Автор начала XVI в., как видно из списка, «Калмакы», т.е. территорию расселения калмаков, включил в перечень татарских земель Большой Орды наряду с Крымом, Астраханью (Астраханским ханством), Сараем, Азовом, Ногаями (Ногайской Ордой), Шибанами (территорией Узбекистана) и Казанью (Казанским ханством).

В «Книге Большому Чертежу», переписанной в 1627 г. с оригинала, который «сделан был давно, при прежних государях», указано, что «промеж реки Кендерлик и реки Сарысу, козатская кочевая орда, да колмыки» [22. С. 28, 217]. Здесь указывается точное место кочевий калмаков в Казахском мелкосопочнике к северу от Аральского моря и к югу от Западной Сибири, откуда калмаки могли реально угрожать Ногайской орде в XVI в.

На ещё более западное место обитания калмаков середины XVI в. указывал Антоний Дженкинсон, который в качестве агента английской Московской компании пытался в 1558 г. добраться из Москвы через Астрахань и Бухару в Китай: «21-го мы прошли мимо бухты в 6 лиг шириной и поравнялись с косой, на юго-восточной стороне которой было два острова, очень заметные с моря; за этой косой берег уклонялся к с.-в., образуя другую бухту, в которую впадает большая река Эмба (Уем), берущая начало в стране *калмыков*» [23. С. 175]. А. Дженкинсон рассказывает о кочевых татарах, туркменах, казахах и многих других встретившихся народах, не смешивая с ними калмыков. Следовательно, калмаки северо-западного Казахстана в его по-

нимании – это особый самостоятельный этнос [24. С. 215; 16. С. 52–54].

За 20 лет до А. Дженкинсона на карте, опубликованной в 1537 г., Антоний Вид разместил калмаков там же, к северо-востоку от дельты Волги. Он не оставил описания, но исследователи его наследия обратили внимание, что на карте А. Вида около подписи «Kalmucky» говорится, что они носят длинные волосы. Антоний Вид, как считается, тоже занимался не компиляцией при составлении карты, а пользовался своими источниками. Известно, например, его пояснение: «При этом труде оказал нам значительное содействие благородный господин Иоганнес Ятцкий (вероятно, боярин, окольничий Иван Ляцкий), который еще несколько лет тому назад был одним из Московских вельмож и бежал к королю польскому, когда, после смерти великого князя Василия, вспыхнуло восстание» (1534 г.) [25. С. 4].

Незадолго до этого в 1517 и 1526 гг. Московию посещал немецкий путешественник Сигизмунд Герберштейн. Он сообщал, что татары представляют собой множество племён, далеко отстоящих друг от друга, и «это (общее) имя они носят только по их вере» [26. С. 166]. Он показывал расстояния и направления до царя Ургенча, хана Моголистана, указывал, где живут тюменские татары и т.д. С. Герберштейн обстоятельно описал быт и обычаи татар разных территорий, одежду, внешний вид, утварь, обмундирование. После описания татар Пермского края он говорит, что «другие татары живут за рекой Ра; [так как] только они (среди татар) отращивают волосы, их называют *калмуками* (Kalmuchi)» [Там же. С. 182].

Н.Н. Пальмов, разбирая сообщение Герберштейна о калмаках, считал, что «из этого сочинения видно, что тот же термин «калмыки» издавна прилагался к татарам, кочевавшим за Волгой и такая кличка дана была им их сибирскими сородичами по манере носить длинные волосы, тогда как все прочие татары брили голову... Манера отращивать волосы служила, в глазах сибирских татар, признаком культурной отсталости, – такой, очевидно, смысл заключался в слове «калмыки», когда шла речь о завожских татарах». По мнению Н.Н. Пальмова, тем же прозвищем «калмыки», закрепившимся за завожскими татарами, впоследствии были названы и выходцы из Джунгарии – ойраты. После этого «термин “калмыки” получил официальное значение, имея определенный смысл: “калмыки” – это выходцы из западной Монголии, ойраты» [3. С. 398–399]. Однако, как видно из описаний А. Дженкинсона, «калмаки» и завожские татары – это разные народы, так как при описании кочевых татар англичанин не называет последних калмыками. Из сообщений европейских авторов становится понятно, что термин «татары» у русских имел самое широкое значение. Это отмечал В.В. Бартольд: «Русские всегда продолжали называть население Золотой Орды татарами, как в то время, когда государственным языком был монгольский, так и

после отуречивания всей страны» [24. С. 143]. Калмыцкими татарами продолжали называть и волжских калмыков в XVII–XVIII вв., например Эвлия Челеби, Адам Олеарий и др.

Обозначены калмаки и на других западноевропейских картах XVI в., например на карте С. Мюнстера, изданной в 1544 г. Здесь также калмаки нанесены на карту между Волгой и Иртышом ещё до 1552 г., когда они продолжали главенствовать в Монголии, и за полстолетия до начала продвижения ойратов к Западной Сибири [25. С. 7]. На карте Европы, составленной Г. Меркатором в 1544 г., калмыцкие татары (kalmucki tartari) нанесены северо-восточнее ногайских татар (nagai tartari), рядом с казаками татарами (kasakki tartari), к востоку от Волги и Яика, к северу от Каспия, на месте Мугоджар. На карте Йодокуса Хондиуса 1606 г. далеко на севере, близ океана, к востоку от Югории обозначены колмаки (Colmak), а к востоку от Волги и Яика в верховьях Эмбы показаны калмыцкие татары (Kalmucki Tartari) и они же ещё восточнее. На карте Г. Герритса 1613 г. калмаки (kalmucki) отмечены на северном побережье Каспийского моря, к востоку от р. Яик, рядом с туркменами [Там же. С. 2–56].

До публикации труда С. Герберштейна Матвей Меховский в «Трактате о двух Сарматиях», изданном в 1521 г., разделял татар на перекопских, казанских, ногайских и завожских. О завожских он писал: «Каспийское море русские зовут Хваленское море... У этого моря и дальше к востоку, по словам русских, живут длинноволосые татары. Другие татары называют их калмуками, или язычниками, так как они не соблюдают обряда магометова и не бреют головы, как все татары, у которых только юноши не выбривают головы до конца, оставляя две пряди волос, спускающиеся от правого и от левого уха к плечу как признак неженатого или девственника» [27. С. 62]. Трактат М. Меховского был написан на основе рассказов поляков и других иностранцев, побывавших в Московии, а также русских людей, приезжавших в Польшу. Основными информаторами М. Меховскому послужили русские военнопленные около 1517 г. [28. С. 47–67]. Почти за 100 лет до первой встречи русских с ойратами москвиты были хорошо информированы о калмаках.

На карте Фра Мауро 1459 г. на р. Итиль в районе современных городов Камышин или Саратов имеется надпись «scalmuzi saga». Имеются варианты идентификации этого названия с Сараем или Камышиным [29. С. 311–318], но, возможно, это самое раннее отображение названия калмаков на картах и в европейских источниках («калмацкий дворец» или «калмаки жёлтые»?).

В 1474–1475 гг. в Астрахани побывал венецианский дипломат и писатель Амброджио Контарини, о чём оставил подробное описание. Рассказывая о татарах, он сообщил, что они бреют голову и оставляют две пряди волос. «Это племя кочует постоянно, как выше объяснено, между Волгою и Танаисом; но есть, говорят, ещё

другое племя, живущее за Волгою, далее к северо-востоку. Оно отличается длинными волосами, висящими до самого пояса, и носит название диких Татар. Племя это, переходя, как и все другие, с места на место и отыскивая свежих пажитей и воды, иногда, во время большой стужи и морозов, доходит до самой Цитрахани, но не причиняет жителям ни малейшего вреда» [30. С. 98–99]. Определение «дикие» может быть связано с тюркской этимологией названия «калмаки» в значении «отсталые». Их название не сообщается, но речь, очевидно, идёт о калмаках, которые, в отличие от бритых татар, носили длинные волосы.

Через 5 лет после посещения Контарини Астрахани калмаки принимали участие в знаменитом «стоянии» на р. Угра. В это время астраханскими землями ведал мангыт Тимур-бек, к которому могли приходить описываемые Контарини дикие татары с длинными волосами.

Фактически, в настоящее время самое раннее известное упоминание калмаков в русских летописях относится к 1480 г. Это почти на 100 лет древнее указа Ивана Грозного Строгановым, который до последнего времени считался самым ранним свидетельством русских документов, и на 126 лет раньше первой встречи русских с ойратами Хо-Урлюка. В «Лихачевском летописце» (ок. 1487 г.), рассказывающем о стоянии на реке Угре, о противнике русских хане Ахмате говорится: «...со царем братаничь его царь Касим, да 6 сынов царевых, и бесчисленное множество татар с ними, и *колмаки*, тогда бо бе той окаянный царь и тех за себе привел» [31. С. 45]. Лихачёвский летописец является автором одной из самых ранних Великокняжеских летописей. Она написана по свежим воспоминаниям о событии, поэтому здесь имеется деталь, которая в более поздних летописях опущена – наличие в составе татарского войска калмаков. Ойраты в 1480 г. попасть на Угру из Монголии или Китая, разумеется, не могли, но можно попытаться определить, как там оказались калмаки.

Хан Ахмед привёл с собой 6 сыновей и племянника (в летописи братанича) Касима с войсками. Как показывают исследования В.В. Вельяминова-Зернова, Касим происходил из джучидского рода. Он являлся внуком хана Золотой Орды Тимур-Кутлука, владел Астраханью и управлял ногайскими территориями. По сведениям автора начала XVII в. Кадырали-бека, Касим-хан скончался в г. Сарайчуке: «там и поныне находится его гробница» [6. С. 163]. В войске Касима, как установил В.В. Вельяминов-Зернов, видное место занимал полководец, которого Хондемир, иранский автор «Шейбани-намэ» начала XVI в., называл мангытом Тимур-беком. В.В. Вельяминов-Зернов отмечал: «По всей вероятности, этот Касим, владевший Астраханью, был тот самый Кайсым (Касым) солтан, который в 1466 г. под Астраханью ждал проезда нашего путешественника Афанасия Никитина с целью ограбить его, и тот самый Касим (Cassimi sun), которого Контарини в 1476 г. застал владельцем Астраханским» [11. Т. 2. С. 238–239].

Что касается Тимур-бека, Камал ад-Дин Али Винаи в «Книге Шайбани-намэ» начала XVI в. называл Тимур-бека эмиром эмиров Касим-хана [11. С. 100]. Махмуд бен Эмир-Вали говорил, что Тимур-бек «был [одним] из наиболее великих и уважаемых его [людей]» [Там же. С. 362]. В.В. Трепавлов писал, что обстоятельства начала карьеры Тимура неизвестны. Он выходец из Дешт-и Кипчака. В 1564 г. внук Тимур-бека вспоминал, что после каких-то невзгод, случившихся в кочевой орде, его дед поехал служить к астраханскому царю, т.е. к Касим бен Махмуду бен Кучук Мухаммеду. В 1660-х гг. шейбанидские хроники, действительно, фиксируют его местонахождение в Астрахани. В.В. Трепавлов предположил, что Тимур-бек принял участие в конфликте между сыновьями Шейбани и с сыном последнего Махмудом откочевал к Хаджи-Тархану (Астрахань). Таким образом, он оказался у истоков создания Астраханского ханства. Здесь он занял уже обычную для Едигеевича должность беклербека и являлся «одним из наиболее великих и уважаемых» (по Махмуд бен Эмир-Вали) [9. С. 120]. К концу 1470-х гг. Тимур стал самой высокопоставленной фигурой в окружении правителя Астрахани Касима. Через некоторое время Тимур-бек решил сменить юрт и, покинув Астрахань, обосновался при хане Золотой Орды Ахмеде, получив при этом титул «великого князя». В 1470 г. польско-литовский король Казимир IV направил в Орду посольство с планом удара по Руси с двух сторон. При этом король «многие дары принес к нему (хану Ахмеду. – В.Т.), тако же и ко князем его, к Темирю и к прочим, от короля» [Там же. С. 121].

Как отмечал В.В. Трепавлов, ордынский беклербек (улуг бек) и московские государи занимали приблизительно равное иерархическое положение. Племянник Тимур-бека Муса-бий напоминал впоследствии в грамоте к Ивану III, что «...дядя мой Темир князь с тобою друг и брат был». Из документов известно, что Тимур-бек называл великого князя Московского Ивана III младшим братом, а тот его старшим братом, а иногда и отцом. Возможно, что именно Тимур бен Мансур был инициатором похода на Русь в 1480 г. О дальнейшем напоминал В.В. Трепавлов: «Бесславный конец этого предприятия, как и неудача союза Орды с поляками, общеизвестны. Что происходило с Тимур-беком после отхода с Угры? Польский хронист М. Стрыйковский утверждает, что хан отступил от русской границы по совету своего беклербека; более того, Тимур же позднее и прикончил-де Ахмеда» [9. С. 123]. Это сообщение, правда, подвергается исследователями сомнению, но известно, что Тимур-бек в 1481 г., прихватив с собой детей Ахмеда, направился к хану Менгли-Гирею в Крым, где был принят с большим почётом. Через несколько лет он вернулся в Большую Орду и занял свой прежний высокий пост. После 1485 г. улус Тимура уже находился в Приднепровских степях, где он кочевал со своими мангытами. Там же находилась и его ставка беклербека.

Участие калмаков в стоянии на Угре и их связь с Тимур-беком, находившимся в 1475 г. в Астрахани, подтверждает, что слова Контарини о других – диких татарах-язычниках, которые носят длинные волосы, прикочёвывают к Астрахани, но никакого вреда местным жителям не причиняют, – относятся именно к калмакам. Им было к кому навещаться в Астрахань в это время. Они являлись ближайшими союзниками Тимур-бека и его мангытов, а тот являлся «эмир-ель-умерою» левого – восточного крыла армии и беклербеком – главнокомандующим всей армией Золотой Орды.

Следовательно, мангыт Тимур-бек привёл в 1480 г. на р. Угра, кроме соплеменников мангытов, также и подвластных ему калмаков. Мангыты к этому времени были тюркоязычными мусульманами, поэтому в глазах русских летописцев, очевидно, они были татарами. А калмаки отмечены как другой народ. Следовательно, на Угре стояли объединённые войска татар, естественной частью которых были мангыты-ногайцы, и калмаков, которых всех вместе взятых остальные русские летописи, повествующие об этом событии после Лихачёвской, равно как и Контарини, называли одним словом – «татары».

В связи с тем что территория кочевий калмаков по западноевропейским и русским источникам очерчивается с запада на восток, как минимум от верховий р. Эмба до центральной части Казахского мелкосопочника, можно иначе взглянуть на первые упоминания о них в сибирских летописях конца XVI – начала XVII в.

В Есиповской летописи, датируемой 1636 г., в описании Сибири времён её завоевания Ермаком перечисляются основные сибирские реки – Тура, Тагил, Ница, Иртыш и Обь. В перечне народов, проживающих на этих реках, говорится о татарах, калмыках, мугалах, пегой орде, остяках, самоедах и прочих язычниках [7. С. 60, 111, 179, 242, 261]. Калмыки объединены с этносами, постоянно проживающими здесь, а не упомянуты как вновь появившиеся или совершающие набеги. В более поздней Ремезовской летописи второй половины XVII в. также описание Сибири основано на ранних источниках. Здесь говорится о Ермаке, будто он «слышал от многих Чюсовлян», что «по степи Калмыки, Мунгалы и Казачья орда ездят на верблюдах, а кормятся скотом» [Там же. С. 316]. Ермак, потерпев поражение в схватке с татарами в устье р. Ишим, едет на окраину владений Кучума, где находится городок Кулары, выполняющий функции пограничной крепости от калмаков [Там же. С. 342]. И.Я. Златкин в главе, рассказывающей о начале передвижения ойратов на запад, обратил внимание на то, что эти калмыцкие «кочевья оказываются отделенными от основных районов Монголии территорией, на которой обитали племена и народы Южной Сибири и Алтая, что едва ли было бы возможным в нормальных условиях» [10. С. 118]. Очевидно, что низовья Ишима, расположенные в лесостепной зоне к западу от Иртыша и в сотнях километров к северу от Сары-Арки, не могли граничить с ойратами,

жившими в это время ещё в Монголии. Упомянутые укрепления Кулары и Ташаткан строились для защиты не от них, а от постоянно живших по соседству местных калмыков.

И.Я. Златкин, говоря о появлении первых ойратов в Сибири, приводит рассказ из летописи, рассказывающий о нападении в 1582 г. остяков и вогуличей на царя Кучума, который «не веде, где от них дется, и побеже в колмацкия улусы и бегая подсмотри тамо конские стада и отгна... калмаки же ощутиша его и погнаша в след его и кони свои отполониша; он же едва у них утече и оттоле бежав в Нагайскую землю» (цит. по: [10. С. 116]). К каким калмыкам бежал Кучум? Если на юг, тогда как он мог от них попасть в Ногайскую землю, минуя всю территорию современного Казахстана, на которой располагалось мощное Казахское ханство? Вероятно, что бежал он не на юг искать убежища в чужих землях, где вдруг занялся конокрадством, а на запад, по пограничным территориям своего Сибирского ханства и калмыков Дешт-и-Кипчака. Запав от быстрого бега своих лошадей, Кучум позаимствовал коней у калмаков, а далее он бежал в ногайские земли, которые в это время включали территорию современной Башкирии и часть Западной Сибири.

В 1591 г., как сообщает Ремезовская летопись, потерпев поражение от русских, Кучум действительно бежал на юг в степи близ Ишима, где воевода Масальский-Кольцов полонил его сына и двух жен. «Кучум же от убийства с прочими не со многими Татарами и з жёнами и з детьми своими от неначаяния рати русской утече на калмытской рубеж, на вершины рек Ишима и Нор-Ишима, Оши и Камышлова» [7. С. 351]. Сам Кучум спасся и пытался мстить, но в 1598 г. опять был разгромлен и «не со многими людьми убежа... к вершинам Иртышу реки на озеро Зайсан-Нор и похитил у калмыков коней многое число, и побежа на иное место со своими. Калмыки же гнаша во след его и достигоша на Нор-Ишиме у озера Кургальчина и ту многих кучюмлян побиша и коней свои стада отъгаша... Кучум же убежа от них с малыми людьми в Нагайскую землю житии и кормитца нищетою». Ногаи же, посовещавшись, убили его [Там же. С. 352]. Характерно, что в последнем случае он опять бежит сначала на юг, потом на запад в сторону ногаев – противников калмыков.

В царской грамоте от 1 января 1597 г. рассказывается про бой «Кучюмовых людей с колматцкими людьми на оз. Иссык-Куль «за то, что колматцкие люди хотели от Кучюма царя отъехать прочь». При этом автор донесения оправдывается, что не может назвать имён участников описываемых событий: «...на том де их бою убили у Кучюма царя 3 человек, а кого именем убили и того сказать не ведает» [32. С. 298]. Даже на оз. Иссык-Куль, далеко к югу от оз. Зайсан и оз. Балхаш, у людей Кучума бой не с ойратами, а с теми 30 калмаками, которые составляли в его войске отряд, но хотели «отъехать». И здесь Кучуму не повезло. Его люди погибли, а калмаки уехали своей дорогой. Из

восточных источников известно, что калмаки с начала XVI в. по 1535 г. были в союзе с Шейбанидами. Как видно из документов, иногда они оказывались союзниками Кучума, а в дальнейшем калмаки не всегда представляли угрозу для сибирского хана, но служили в его войске и, как отмечал В.М. Витевский, «были постоянными союзниками детей и внуков Кучума» [33. С. 498]. Известно, что калмаки в 1570-х гг. были и в войске среднеазиатского Баба-султана. Надо полагать, что калмаки вели более свободный образ жизни, чем находившиеся в феодальной зависимости ойраты, которые не могли бы служить чужому правителю.

Представляется, что получает объяснение один загадочный факт из истории русско-казахской дипломатии: почему Иван IV называл казахского хана Тевекеля «царём казахским и калмацким»? В 1582 г. калмаки Сары-Арки (Казахский мелкосопочник) потерпели поражение от бухарского хана Абдуллы и казахского султана Тевекеля, после чего попали в зависимость от Тевекеля и стали его данниками. Об этом мы знаем из рукописи Хафиз-и-Таныша «Абдулла-намэ», опубликованной В.В. Вельяминовым-Зерновым [11. С. 302–304], из надписи на скале в Джизакском (Джиланутинском) ущелье, в горах Памира между Самаркандом и Ташкентом [24. С. 220], из труда Мухаммед Юсуф Монша, цитируемого Г.Е. Грумм-Гржимайло [34. С. 234]. Сражение, принесшее победу Тевекелю, происходило в горах Улуг-тау (Улутау), на реках Сыр-Дарья, Сарысу и Кендерлик близ «могилы Джучи-хана» и вплоть до притоков р. Ишим. Здесь же помещает калмаков и «Книга Большому Чертежу», созданная во второй половине XVI и не позже начала XVII в. Следовательно, 5 независимых источников свидетельствуют об одном и том же: на р. Сарысу, в горах Улутау и на прилегающих территориях во второй половине XVI в. проживали калмаки. Принято считать, что они являлись какой-то небольшой группой ойратов, временно проникшей сюда из Джунгарии [5. С. 254; 9. С. 109]. Однако источники не говорят о каком-либо продвижении ойратов в северо-западный Казахстан в 1570–1580-х гг. Если даже столь незначительное в рамках истории событие, как удачный грабительский поход против соседей – калмаков, было отмечено несколькими авторами, то появление здесь иноземцев ойратов из Джунгарии не могло бы остаться незамеченным. До 1582 г. калмаки имели независимость, и победа над ними выглядела в глазах современников таким значительным событием, что поход стал «знаменитым», и о нём не только написали разные авторы, но и выбили на скалах надпись о победе.

Тевекель в дипломатической переписке стал именоваться «ханом казахским и калмацким». О том, что зависимость была неполной, говорит тот факт, что в 1587 г. «воевать калмаков» собирался ногайский тайбуга Ураз-Мухаммед [9. С. 371–372]. После 1585 г. и до начала следующего столетия о калмаках становится известно из Сибирских летописей, так как продвиже-

ние русских на восток и на юг Сибири приводило ко всё более частым контактам с ними. Из-за этого у историков сложилось мнение, что в то время ойраты продвигались на запад, и на юге Сибири встретились две противоположно направленные миграционные волны. Когда русские действительно встретились с ойратами Монголии в 1606–1608 гг., кочевников стали называть калмыками, вероятно, из-за культурной, языковой близости и по традиции, сложившейся у соседних восточных народов. На остальной же территории Средней Азии, Южного Урала и Заволжья продолжают кочевать калмаки. Даже в 1636 г. А. Олеарий встречает у Левобережного Саратова и под Астраханью «булгарских татар» – калмаков, а ойраты находятся ещё за Яиком: «главные враги ногайцев – *калмыки*, не только рассеянные отсюда до Саратова и называемые в этих местах *булгарскими татарами*, но и живущие за Яиком» [35. С. 349].

Данные западных источников о размещении калмаков в Дешт-и-Кипчаке, т. е. далеко к западу от основной территории обитания ойратов, подтверждаются и многочисленными сочинениями арабских, тюрко- и персоязычных авторов XIV–XVI вв. Больше всего информации о калмаках содержится в среднеазиатских источниках у народов, живших по соседству с калмаками и имевших богатую письменную традицию. Приведём лишь те из них, которые позволяют сделать вывод, что калмаки размещались в Дешт-и-Кипчаке раньше, чем появилось общее самоназвание западно-монгольских кочевников «дэрбен-ойраты», и раньше, чем они впервые столкнулись со среднеазиатскими народами в начале XV в., после вытеснения монголов из Китая в 1368 г.

Иранский автор начала XV в. Шереф-ад-Дин Йезди в сочинении «Зафар-намэ» («Книга побед») рассказывает, что в 1397–1398 гг. к Тимуру (Тамерлану), находившемуся в это время на Кавказе, прибыло посольство Тайзи-оглана от калмыков из Дешта [6. Т. 2. С. 187, 188]. В Тарих-и-Рашиди, написанном Мирза Мухаммад Хайдаром в 1541–1546 гг., сказано, что будущий хан Семиречья и Мавераннахра Туглук-Тимур в 1329–1330 гг. был привезён от калмаков [36. С. 38–39]. О том же сообщается в Шараф-наме-йи шахи (Книге шахской славы), написанной Хафизом-и-Таныш Бухари в 1520-х гг. [37. С. 100]. В книге анонимного автора середины XV в. «Родословие Турок» («Шаджарат ал-атрах») говорится, что распространение в Средней Азии ислама при Узбеке в 1320-х гг. связано с уходом мусульман от язычников. За оставшимися якобы закрепилось название «калмаки» [6. С. 207]. Из произведения автора первой половины XVI в. Утемиш-хаджи «Чингиз-намэ» следует, что после смерти Токта-хана в 1313 г. трон Золотой Орды захватил Узбек-хан с калмаками. По официальной версии, Узбек являлся племянником Токты, для чего приведена история о его чудесном спасении в младенческом возрасте. Фактически же, вероятнее всего, Узбек являлся типичным

узурпатором, распространявшим версию о своём чудесном спасении для придания легитимности своей власти. В этом случае Узбек-хан тоже происходил из калмаков, так как из разных источников известно, что его молодость проходила в Дешт-и-Кипчаке, где, по словам Утемиш-хаджи, до сих пор (200 лет спустя. — *И.Д.*) сохраняются обычаи и язык калмаков [38. С. 105].

После XIV в. тюрко-, ирано- и арабоязычные авторы нередко называли калмаками всех язычников монгольского происхождения, но, тем не менее, известные источники свидетельствуют, что не позже чем с первой половины XIV в. и до конца XVI в. в Средней Азии и на северо-востоке современного Казахстана обитала монголоязычная этническая группа с обобщающим названием «калмаки», переносившимся среднеазиатскими народами на дербен-ойратов, а иногда и на монголов.

Таким образом, данные ономастики, свидетельства русских летописей, западноевропейских путешествен-

ников и картографов позволяют сделать вывод, что калмаки были известны в Московской Руси и Европе как минимум с XV в. О калмаках на Руси знали не от тюркоязычных народов, а в результате непосредственных контактов. Имя, фамилия и прозвище «Калмак» были распространены на всей русской территории среди всех сословий, включая помещиков и священнослужителей. Это свидетельствует, что калмаки контактировали с Русью задолго (как минимум более, чем за столетие) до начала продвижения на запад ойратов. Калмаки играли значительную роль в политической жизни государственных образований Средней Азии, Казахстана и Поволжья задолго до прихода сюда ойратов. Можно сделать вывод, что регион распространения ойрат-калмыков имел более широкую территорию, чем принято считать. Кроме Западной Монголии и Джунгарии, в XV–XVI вв. их кочевья охватывали также среднеазиатские, казахстанские и южносибирские степи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Котвич В.Л. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. // Известия Российской академии наук. СПб., 1919. Вып. 1. Сер. 6. Т. 13.
2. Колесник В.И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII вв. М., 2003.
3. Пальмов Н.Н. Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России. Элиста, 2007.
4. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. М., 1967.
5. История Калмыкии с древнейших времён до наших дней : в 3 т. Элиста, 2009. Т. 2.
6. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сообщений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М. ; Л., 1941. Т. 2.
7. Сибирские летописи. Рязань, 2008.
8. Известия англичан о России XVI в. // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских. М., 1884. № 4.
9. Трепавлов В.В. История Ногайской орды. М., 2002.
10. Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М., 1964.
11. Вельяминов-Зернов В.В., Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1864. Ч. 2.
12. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII вв. (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.
13. Веселовский С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии / под ред. В.И. Буганова, Б.В. Левшина. М., 1974.
14. Мосин А.Г. Словарь Уральских фамилий. Екатеринбург, 2000.
15. Писцовые книги Тизенгаузена / под ред Н.В. Калачова. СПб., 1877. Отделение II.
16. Список опричников Ивана IV. СПб., 2003.
17. Садиков П.А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. Приложение 1. «Речи» Семена Елизарьева сына Мальцева о походе татар и турок под Астрахань // Исторические записки. М., 1947. № 22. С. 154–160.
18. Писцовые книги Рязанского края / под ред. В. Сторожева. Рязань, 1997. Т. 1.
19. Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй половины XVII века (1397–1625). СПб., 1910. Т. 1, Вып. II.
20. Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлечённые Ю.Н. Щербачёвым. СПб., 1897.
21. Казакова Н. А. «Татарским землям имена» // Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ. Л., 1979. Т. XXXIV.
22. Макиев А.И. Географические сведения Книги Большому Чертежу о киргизских степях и Туркестанском крае // Записки Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1880. Т. 6.
23. Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1937.
24. Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002.
25. Кордт В.А. Материалы по истории русской картографии // Карты всей России и южных ее областей до половины XVII века. Киев, 1899. Вып. 1.
26. Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988.
27. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М. ; Л., 1936.
28. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, XIII–XVII вв.: Введение, тексты и комментарии М.П. Алексеева. Новосибирск, 2006.
29. Пачкалов А.В. К вопросу о локализации топонима Calmuzzi Sara на карте Фра Мауро (1459 г.) // Annali di ca' Foscari. Rivista della facoltà di lingue e letterature straniere dell'università di Venezia. Venezia, 2007. XLVI, 1.
30. Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. Т. 1.
31. Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2006.
32. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Л., 1932. Ч. 1.
33. Витевский В.М. Н.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань, 1897. Т. 1.
34. Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. Т. 2.
35. Олгарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск, 2003.
36. Хайдар Мирза Мухаммад. Тарих-и-Рашиди / пер. А. Урунбаева, Р.П. Джалиловой. Ташкент, 1996.
37. Хафиз-и-Таньши Бухари. Шараф-наме-йи шахи (Книга шахской славы). М., 1983.
38. Чингиз-наме / пер. В.П. Юдина. Алма-Ата, 1992.

Dryomov Igor I. Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: iid57@yandex.ru

KALMAKS EAST DESHT-I-KIPCHAK IN RUSSIAN AND WESTERN EUROPEAN SOURCES XV–XVI CENTURIES.

Keywords: Kalmaks; Kalmyks; Oyrats; Desht-i Kipchak; XV–XVI centuries.

It is now believed that the name «Kalmyks» was concerned with Oyrats who came to the territory of Kazakhstan in the early 17th century. Russian and Western European documents write about Kalmaks since the fifteenth century. Ivan's IV Decree of 1574 directed the Stroganoffs to trade with Kazaks, Kalmaks and Bokharans. New data show that in Ancient Rus they knew about Kalmaks from personal contacts with them. The name «Kalmak» existed and was often used in Russia in the XVI century: Kalmak, priest, 1545, Novgorod; Kalmak Vlas'ev, Landowner, Yaroslavl, 1568; Fedor Ivanovich Kolmak Ovtzyn, 16th century; Peter and Isaac Kolmakovs, 1564, Olonets; Kolmak and Neustroy Borisovich Obrutins, 1568, Yaroslavl; Kolmak and Domachnoy (Domachny) Mikhailovich Vaskovs, 1568, Yaroslavl; Ivan Kolmak, Ondreev Khorlamov's son, a Landowner in Cherenchitskoy church yard, 1539; Kolmak Ivanov Starkov's son, boyar's son in Tver, 1585; Ivan Kolmak – oprichnik of Ivan IV; Ambassador, Ryazan Kazak, Kolmak etc. In Sofia library there is a list of Tatar land surrounding the Caspian Sea in 1506 and 1523, which has the name «Kalmaks» along with the Crimea, Astrakhan (Astrakhan Khanate), Azov, Saray, Nogays (Nogay Horde), Shibans (Uzbekistan) and Kazan (Kazan Khanate), etc. Besides there are documents writing about the struggle between Nogays and Kalmaks to the East of the Volga River in 1535, 1556, 1560, 1578. West European travellers and geographers Jenkinson (1558), A. Vid (1537), S. Gerbersteen (1526), M. Mekhovskiy (1521), Fra-Mauro (1459), A. Contarini (1475) etc. wrote about Kalmaks and marked them on the maps. The earliest mention of Kalmaks in the Russian Chronicles refers not to 1574, as it is considered, but to 1486. «Likhachev's chronicler» says about Kalmaks on the Ugra River in 1480. The Siberia's Chronicles of the conquest of Siberia also write not about the Oyrats but about the Kalmaks who lived in the Desht-i Kipchak. The data of Russian and Western European sources are consistent with Arab, Persian and Turkic historical works of the 15th and 16th centuries. Kalmaks played a significant role in the political life of the State structures of Kazakhstan, Central Asia and Volga region long before the arrival of the Oyrats here. One can assume that the origin of Volga Kalmyks is due not only to the Oyrats from Mongolia and Djungaria, which is a clearly established fact, but also to the Kalmaks of Central Asia, Kazakhstan and South Siberia.

REFERENCES

1. Kotvich V.L. Russkie arkhivnye dokumenty po snosheniyam s oyratami v XVII i XVIII vv. [Russian archival documents on relations with Oirats in the 17th and 18th centuries]. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii Nauk*, 1919, issue 1, vol. 13.
2. Kolesnik V.I. *Poslednee velikoe kochev'e: Perekhod kalmykov iz Tsentral'noy Azii v Vostochnuyu Evropu i obratno v XVII i XVIII vv.* [The last great nomads: the transition of Kalmyks from Central Asia to Eastern Europe and back in the 17th and 18th centuries]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2003. 284 p.
3. Pal'mov N.N. *Materialy po istorii kalmytskogo naroda za period prebyvaniya v predelakh Rossii* [Materials on the history of the Kalmyk people within Russia]. Elista, 2007.
4. Ustyugov N.V. (ed.) *Ocherki istorii Kalmytskoy ASSR. Dooktyabr'skiy period* [Essays on the the history of the Kalmyk ASSR. The Pre-October period]. Moscow: Nauka Publ., 1967. 479 p.
5. Ilyumzhinov K., Maksimov K.N., Ochirova N.G. *Istoriya Kalmykii s drevneyshikh vremen do nashikh dney: v 3-kh t.* [The history of Kalmykia from ancient times to the present day. In 3 vols.]. Elista: Gereal Publ., 2009, vol. 2. 838 p.
6. Tizengauzen V.G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ord'y* [The collection of materials relating to the history of the Golden Horde]. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1941, vol. 2.
7. Tsepkov A.I. *Sibirskie letopisi* [Siberian Chronicles]. Ryazan: Aleksandriya Publ., 2008. 643 p.
8. *Izvestiya anglichan o Rossii XVI v.* [Proceedings of the British about Russia of the 16th century]. *Chteniya v Imperatorskom Obshchestve istorii i drevnostey Rossiyskikh*, 1884, no. 4.
9. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy ordy* [The history of the Nogai Horde]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2002. 751 p.
10. Zlatkin I.Ya. *Istoriya Dzhungarskogo khanstva (1635–1758)* [The history of Jungar khanate (1635–1758)]. Moscow, 1964.
11. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o Kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [The investigation on Kasimovskoye kings and princes]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1864.
12. Ibragimov S.K. (ed.) *Materialy po istorii Kazakhskikh khanstv XV–XVIII vv.* [Materials on the history of the Kazakh Khanate of the 15th – 18th centuries]. Alma-Ata: Nauka Publ., 1969. 651 p.
13. Veselovskiy S. B. *Onomastikon: Drevnerusskie imena, prozvizhcha i familii* [Onomastikon: Old Russian names, nicknames and surnames]. Moscow, 1974.
14. Mosin A.G. *Slovar' Ural'skikh family* [The Dictionary of the Ural names]. Ekaterinburg, 2000.
15. Kalachov N.V. (ed.) *Pistovye knigi Tizengauzen* [The Cadastres by Tizengauzen]. St. Petersburg, 1877.
16. *Spisok oprichnikov Ivana IV* [The List of Oprichniki (guardsmen) of Ivan IV]. St. Petersburg., 2003.
17. Sadikov P.A. *Pokhod tatar i turok na Astrakhan' v 1569 g. Prilozhenie 1. "Rechi" Semena Elizar'eva syna Mal'tseva o pokhode tatar i turok pod Astrakhan'* [The Tatars and Turks march to Astrakhan in 1569. Supplement 1 to the "speech" by Semyon Maltsev about the campaign of the Tatars and Turks under Astrakhan]. *Istoricheskie zapiski*, 1947, no. 22, pp. 154–160.
18. Storozhev V. (ed.) *Pistovye knigi Ryazanskogo kraya* [The Cadastres of Ryazan Region]. Ryazan: Russkoye Slovo Publ., 1997, vol. 1.
19. Nikol'skiy N. *Kirillo-Belozerskiy monastyr' i ego ustroystvo do vtoroy poloviny XVII veka (1397–1625)* [St. Cyril of Beloozero's Monastery and its device until the second half of the 17th century (1397–1625)]. St. Petersburg: Directmedia Publ., 1910, vol. 1, issue II, 672 p.
20. *Russkie akty Kopengagenskogo gosudarstvennogo arkhiva* [The Russian Acts of the State Archive of Copenhagen]. St. Petersburg, 1897.
21. Kazakova N.A. [The names of Tatar lands]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury IRLI* [Proc. of the Division of Old Russian Literature by the Pushkin House]. Leningrad, 1979, vol. XXXIV. (In Russian).
22. Maksheev A.I. *Geograficheskie svedeniya Knigi Bol'shomu Chertezhu o kirgizskikh stepyakh i Turkestanskome krae* [The geographic information of the Big Book of Drawings of Kirghiz steppes and Turkestan]. In: *Zapiski Russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu etnografii*. 1880, vol. 6.
23. *Angliyskie puteshestvenniki v Moskovskom gosudarstve v XVI veke* [English travelers in Muscovy in the 16th century]. Translated by Yu.V. Gauthier. Moscow: OGIZ Publ., 1937. 306 p.
24. Bartold V.V. *Raboty po istorii i filologii tyurkskikh i mongol'skikh narodov* [The work on the history and philology of the Turkic and Mongolian peoples]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2002. 757 p.
25. Kordt V.A. *Materialy po istorii russkoy kartografii* [Materials on the history of Russian cartography]. In: *Karty vseey Rossii i yuzhnykh ee oblastey do poloviny XVII veka* [Maps of Russia and its southern areas up middle of the 17th century]. Kiev, 1899, issue 1.
26. Gerberstein S. *Zapiski o Moskovii* [Notes on Muscovy]. Moscow: Ripol klassik Publ., 1988.
27. Mekhovskiy M. *Traktat o dvukh Sarmatiyakh* [The treatise on the two Sarmatia]. Moscow, Leningrad: The USSR Academy of Science Publ., 1936.

28. Alekseev M.P. *Sibir' v izvestiyakh zapadnoevropeyskikh puteshestvennikov i pisateley, XIII–XVII vv.* [Siberia in the notes by Western travelers and writers, the 13th – 17th centuries]. Novosibirsk, 2006.
29. Pachkalov A.V. K voprosu o lokalizatsii toponima Calmuzi Sara na karte Fra-Mauro (1459 g.) [On the localization of the toponym Calmuzi Sara on the map of Fra Mauro (1459)]. *Annali di ca' Foscari*, 2007, XLVI, 1.
30. *Biblioteka inostrannykh pisateley o Rossii* [Library of foreign writers about Russia]. St. Petersburg, 1836, vol. 1.
31. Zaytsev I.V. *Astrakhanskoe khanstvo* [The Astrakhan Khanate]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2006. 301 p.
32. Samoylovich A.N. (ed.) *Materialy po istorii Uzbekskoy, Tadzhikskoy i Turkmenckoy SSR* [Materials on the history of the Uzbek, Tajik and Turkmen SSR]. Leningrad: The USSR Academy of Sciences Publ., 1932, part 1.
33. Vitevskiy V.M. *N.I. Neplyuev i Orenburgskiy kray v prezhnem ego sostave do 1758 goda* [N.I. Neplyuev and Orenburg Region as it was until 1758]. Kazan: V. Klyuchnikov Publ., 1897, vol. 1.
34. Grumm-Grzhimaylo G.E. *Zapadnaya Mongoliya i Uryankhayskiy kray* [Western Mongolia and Uryankhai territory]. Leningrad: Nevskaya Publ., 1926, vol. 2. 412 p.
35. Oleariy A. *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu* [The description of the trip to Muscovy]. Smolensk: Rusich Publ., 2003. 474 p.
36. Mirza Muhammad Haidar Dughlat Beg. *Tarikh-i Rashidi* [Tarikh-i Rashidi]. Translated by A. Urunbaev, R.P. Dzhaliylova. Tashkent, 1996.
37. Khafiz-i Tanysh Bukhari. *Sharaf-name-yi shakhi (Kniga shakhskoy slavy)* [Sharaf-name-yi Shahi (The Book of the Shah's fame)]. M., 1983.
38. Ötemish Hajji. *Chingiz-name*. Translated by V.P. Yudin. Alma-Ata: Gylym Publ., 1992. 243 p.